

ЭДУАРД СОЛОВЬЕВ

Трансформации американской геополитической мысли

Неоконсервативное влияние или возврат к реализму?

Страсти по геополитике в нашей стране в последнее время несколько поутихли. Целый ряд авторов, работающих над проблемами теории международных отношений, просто объявили геополитику некой превращенной формой политического реализма — причем формой редуцированной (до географического детерминизма) и потому сильно упрощенной. Кроме того, акцентировался идеологический потенциал геополитики, в результате чего она рассматривалась скорее как разновидность идеологии о внешней политике, нежели в качестве, пусть и довольно невнятной в методологическом плане, научной дисциплины. В литературе неоднократно приводились соображения о проблематичной аналитической значимости геополитических концептуализаций и в целом о нерелевантности геополитики как современного направления теоретизирования. Собственно, и автор данной статьи оказался не чужд этой общей тенденции.

Незамысловатость и архаичность классических геополитических подходов очевидны. Однако при этом, как

ни парадоксально, невозможно игнорировать значимость пространственных факторов в оценке современных глобальных политических процессов и востребованность геополитических рекомендаций при подготовке ряда доктринальных военно-политических документов в США и других крупнейших странах мира. Вне зависимости от того, как некоторые специалисты оценивают эвристическую значимость и политическую адекватность геополитического теоретизирования, воздействие последнего на реальную политику не подвергается сомнению. Кроме того, Р. Каплан, Г. Киссинджер, З. Бжезинский и другие авторы стабильно входят в различные списки «сотни наиболее выдающихся» (мыслителей, умов и др.). Парадокс? Несомненно. Вместе с тем эволюция англосаксонской геополитической мысли на протяжении последних полутора-двух десятилетий любопытна в эвристическом плане и требует дополнительного осмысления в практически-политическом смысле. В рамках представленной статьи исследуются основные тренды эволюции англосаксонской геополити-

СОЛОВЬЕВ Эдуард Геннадьевич — зав. сектором теории политики ИМЭМО РАН, кандидат политических наук.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-03-00599 «Консерватизм в современном мире: кризис или возрождение?».

Ключевые слова: геополитика, стратегия, «мягкая сила», «умная сила», Realpolitik, США, Россия, Китай, политическая география, экспансионизм, Ближний Восток, Б. Обама.

тической мысли и оцениваются особенности геополитического ревизионизма, геоэкономических подходов, а также возрождение классической геополитической традиции.

Геоэкономические метаморфозы

В последние десятилетия существенное внимание уделялось воздействию экономических процессов на эволюцию геополитической ситуации. Это связано с повышением роли экономики в жизни как отдельных стран, так и мирового сообщества в целом, с растущим влиянием экономических процессов на неэкономические сферы, на распределение сил в международном масштабе. Кроме того, под впечатлением событий рубежа 1980—1990-х годов — падения Берлинской стены, распада СССР и коммунистического блока в целом — все чаще появлялись утверждения о том, что центральной задачей геополитики «является разработка вопроса об обеспечении мирного мирового порядка посредством соглашений и согласия, а не силы и господства»¹. В этом смысле геоэкономика начала восприниматься чуть ли не в качестве антипода геополитики. Если последняя фокусирует внимание прежде всего на конфликтах, то первая якобы сосредоточивается на аспектах кооперации и сотрудничества в международных отношениях².

Еще в 1970-е годы американский исследователь Э. Луттвак пытался применить геополитические схемы к анализу экономического соперничества между государствами. Позднее он развил свои концептуальные положения и выступил с утверждением, что страх перед ядерным оружием переводит конфликты между ведущими

ми мировыми державами в область торгово-экономических отношений. Параллельно другой американский автор, Р. Розенкранц, попытался представить международные отношения как соперничество торгово-экономических блоков³. Семена этих идей в 1990—2000-е годы пали на подготовленную почву. Экономические конфликты в новых условиях, после окончания «холодной войны», действительно выходили на первое место среди групп потенциальных международных противоречий. Ряд исследователей даже прогнозировали наступление эры «реалэкономики», то есть периода истории, суть и основное содержание которого составят жесткие (возможно, конфронтационные) экономические действия, направленные на достижение государствами и иными центрами силы собственных, в том числе политических, интересов⁴.

Раздавались призывы постепенно отказаться от теоретизирования в геополитических терминах и перейти, если угодно, в новую эпоху — когда в условиях «закрытия ойкумены» и прекращения биполярной конфронтации префикс «гео-» и первенству-

³ См.: **E. Luttwak**. From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict. Grammar of Commerce. — «The National Interest». 1990. № 20; **R. Rosecrance**. The Rise of Trading States: Commerce and Conquest in the Modern World. N. Y., 1986.

⁴ См.: **J. A. Agnew**. Geopolitics and Discourse: Practical Geopolitical Reasoning in American Foreign Policy. — «Political Geography». 1992. Vol. 11. № 2; **E. Luttwak**. From Geopolitics to Geo-Economics; **idem**. The Coming Global War for Economic Power. — «The International Economy». 1993. № 5; **idem**. The Endangered American Dream: How To Stop the United States from Being a Third World Country and How To Win the Geo-Economic Struggle for Industrial Supremacy. N. Y., 1993; **idem**. Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy. N. Y., 1999; **P. Lorot, F. Thual**. La Géopolitique. Montchretien, 2002; **M. Sparke**. Geopolitical Fears, Geoeconomic Hopes, and the Responsibilities Of Geography. — «Annals of the Association of American Geographers». 2007. № 97(2); **P. Lorot**. Introduction à la Géoeconomie. Paris, 1999; **P. Lorot, J.-F. Daguzan (dir.)**. Guerre et économie. Paris, 2003 и др.

¹ **Дж. Паркер**. Преемственность и изменения в геополитической мысли Запада. — «Международный журнал социальных наук». 1993. №. 3 С. 33.

² См. там же. С. 33—35.

ящее положение в анализе текущих международных явлений и процессов перейдут к экономике, а собственно геополитика окончательно станет достоянием истории. Геоэкономические сценарии получили распространение и в странах, заезавшихся на старте глобализационной гонки или обладающих относительно слабыми конкурентными позициями (Россия, Италия и т. д.)⁵. При этом, правда, авторы в не самых передовых, скажем так, с точки зрения инновационного развития странах занимались не столько аналитическим теоретизированием в рамках концепции, сколько выявлением «общих стратегических национальных интересов»⁶ и формированием научно обоснованной стратегии поведения государства в условиях глобализации (поиски которой осложнены еще и «догоняющим» типом развития соответствующих стран).

Усиление роли нетрадиционных акторов в мировой политике также придавало дополнительные импульсы распространению геоэкономических интерпретаций последней. В самом деле, в традиционные геополитические схемы довольно сложно вписать деятельность транснациональных акторов (от транснациональных корпораций до неправительственных организаций), совокупные возможности которых растут. Рассмотрение процессов мирового развития в геополитических терминах (и, соответственно, в рамках абсолютной концентрации на государствах и их роли в мировой политике) приводит к очевидному упрощению общей картины. Перед лицом реалий глобализирующегося мира геоэкономические под-

ходы предоставляли более адекватный аналитический инструментарий.

Однако у геоэкономических подходов довольно быстро выявился и один существенный изъян. В их рамках все-таки предполагалось если и не столкновение, то весьма жесткое противоборство между различными экономическими блоками, причем с полным пониманием, что борьба ведется по правилам «игры с нулевой суммой». Прогнозировался, в частности, резкий рост противоречий между крупными экономическими блоками и интеграционными объединениями, включая, прежде всего, ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР и АСЕАН. И хотя без усиления конкуренции и даже отдельных всплесков «торговых войн» не обошлось, до противоборства дело так и не дошло. В результате интерес к геоэкономической проблематике стал понемногу угасать, и она становилась все более периферийной составляющей геополитической мысли.

Своеобразным ответвлением геоэкономической проблематики можно считать и вопросы так называемой энергетической геополитики и столь широко распространенной ныне на самых разных политических и аналитических уровнях энергетической безопасности.

Доминирование Соединенных Штатов на мировых нефтяных рынках было одним из ключевых факторов, содействовавших становлению сверхдержавности США после окончания Второй мировой войны. Демонстрируемый ныне пристальный интерес администрации США к добыче и транспортировке зарубежного углеводородного сырья продолжает оставаться одним из приоритетов американской внешней политики. Он объясняется не только заинтересованностью Соединенных Штатов в получении стратегического сырья для собственных внутренних потребностей, но и геополитическими соображениями. Претендующая на единоличное глобальное лидерство

⁵ См.: К. Жан, П. Савона. Геоэкономика. М., 1997; Э. Г. Кочетов. Геоэкономика и стратегия России. Истоки и принципы построения внешнеполитической доктрины. М., 1997; он же. Геоэкономика. М., 1999.

⁶ Э. Г. Кочетов. Геоэкономика и стратегия России. С. 15.

администрация США по определению не может оставить вне собственного контроля обширные энергетические ресурсы стран Ближнего Востока и Каспийского региона. Главной целью, конечно, остается Ближний Восток, где добывается более 60 процентов мировой нефти и 40 процентов газа⁷.

Тема высокой значимости ресурсной политики сама по себе не нова. Значение природных ресурсов в набирающей силу экономике знаний относительно падает. В эпоху НТР в рамках западных инновационных экономик неуклонно снижается энерго- и материалоемкость единицы продукции. Но общий объем потребления натуральных ресурсов столь же неуклонно растет вместе с ростом народонаселения и увеличением подушевого потребления в развивающихся странах. В результате борьба за ресурсы никуда не исчезает. Более того, есть понимание, что с ростом населения планеты она будет только обостряться. Косвенным свидетельством обострения проблемы ресурсобеспечения является и резкое колебание при общей повышательной тенденции цен на топливо и сырье в 2000-х годах.

Новая интерпретация основного направления геополитики — переход от пространственного к ресурсному императиву — пришла из США. Зримым символом, знаком подобного перехода в практической политике стала еще «доктрина Картера»: в речи о положении нации в январе 1980 года американский президент заявил, что попыт-

ка любой внешней силы установить контроль над Персидским заливом будет рассматриваться как покушение на жизненные интересы страны. Фактически это означало распространение «доктрины Монро» на удаленные регионы мира и акцент на так называемую геополитику минеральных ресурсов. В 2006 году эта тема получила новое развитие в майском выступлении в Вильнюсе вице-президента Д. Чейни, обвинившего Москву в «энергетическом империализме» и использовании энергетических ресурсов в геополитических целях — для давления на соседние постсоветские государства.

В рамках академического сообщества данная проблематика оказалась востребована еще в 1990-е годы и не сходила со страниц журналов на протяжении последних полутора-два десятилетия. Геополитический оттенок она приобретала в силу нескольких причин. Прежде всего — проблемы транспортировки. Выбор маршрутов, контроль над морскими путями или трубопроводами и споры по поводу условий транзита — это по определению весьма политизированные решения. Вместе с тем энергопоставки жизненно важны для нормального функционирования экономики любой современной страны. Поэтому проблема надежности поставок и в связи с этим — диверсификации поставщиков стала чуть ли не основной в современных политических дебатах и на геоэкономические, и на собственно геополитические темы⁸.

⁷ См. «Энергетическая безопасность глобализирующегося мира». М., 2008.

⁸ См. об этом: **R. Armitage**. The new geopolitics, introduction. — «Global Markets and National Interests, the new geopolitics of energy». L. P. Bloomfield (Ed.). Wash., 2002 («Capital, and Information. Significant Issues Series». Vol. 24(3)); «Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy». J. H. Kalicki, D. L. Goldwyn (Eds.). Wash., 2005; **M. T. Klare**. Rising Powers, Shrinking Planet, The New Geopolitics of Energy. N. Y., 2008; «Energy Security and Global Politics: The Militarization of Resource Management». D. Moran, J. A. Russell (Eds.). N. Y. et al., 2009; **R. A. Manning**. The Asian Energy Factor. N. Y., 2000; **M. I. Goldman**. Petrostate: Putin, Power and the New Russia. Oxford, 2008; **L. Chester**. Conceptualising energy security and making explicit its polysemic nature. — «Energy Policy». 2009. Vol. 37; **B. Mert**. Geopolitics of European natural gas demand: Supplies from Russia, Caspian and the Middle East. — *ibid*; **E. L. Morse, J. Richard**. The battle for energy dominance. — «Foreign Affairs». 2002. Vol. 81. № 2; **A. N. Stulberg**. Moving beyond the great game: The geoeconomics of Russia's influence in the Caspian energy bonanza. — «Geopolitics». 2005. 10(1); **A. Mayers Jaffe**. Geopolitics of Energy. — «Encyclopedia of Energy». 2004. Vol. 2. P. 843–851.

И только разворачивающаяся на наших глазах «сланцевая революция» и новая техническая революция, связанная с развитием энергосберегающих технологий и разработкой альтернативных источников энергии, несколько поумерили амбиции сторонников подобных подходов.

Попутно заметим: разумеется, внимание США к Ближнему Востоку в эпоху «сланцевой революции» отнюдь не ослабло. Но ныне оно обусловлено несколько иными причинами: если раньше Америка напрямую зависела от поставок энергоносителей с Ближнего Востока, то теперь она всерьез рассчитывает обойтись собственными ресурсами (в том числе сланцевыми нефтью и газом), альтернативными направлениями поставок (из Африки, Латинской Америки — на юго-восток США), а также плодами новой технологической революции (альтернативные источники энергии, энергосберегающие технологии и т. п.). Соответственно, в Соединенных Штатах Ближний Восток все больше воспринимается как стратегически значимый регион, контроль над которым позволяет держать руку на пульсе (если не сказать — на горле) всех своих основных стратегических партнеров и конкурентов (кроме России); кроме того, существует весьма специфичный для политики США израильский фактор. Поэтому уйти из региона Америка не может и не хочет, но и затрачивать на него те же усилия и ресурсы, что и ранее, также не намерена. Градус политической истерии (в буквальном смысле слова) вокруг проблематики энергопоставок в США в последние годы сошел на нет, хотя кое-какие исследования в этом направлении и ведутся. В том числе и с целью нейтрализации любых инициатив России, касающихся создания единого экономического пространства от Атлантики до Владивостока.

Ревизионистские сценарии

Наряду со всплеском интереса к геоэкономике, в 1990-х годах получило широкое распространение ревизионистское направление современной западной геополитической мысли — так называемая критическая, или новая, геополитика⁹. В фокусе его внимания оказалось новое толкование географии власти и центров силы. И главное — география предстает здесь как форма социально обусловленного знания¹⁰. Соответственно, по мнению приверженцев подобных подходов, геополитику не следует рассматривать в качестве дисциплины, занимающейся изучением неких извечно заданных, объективных по самой своей сути географических факторов, позволяющих нациям артикулировать их «вечные» и опять же «объективные» национальные интересы в мировой политике. Концепции пространства в традиционном, привычном понимании наступил ко-

⁹ См. **J. A. Agnew**. The territorial trap: The geographical assumptions of international relations theory. — «Review of International Political Economy». 1994. № 1; **idem**. Geopolitics: Revisioning world politics. N. Y. et al., 2003; **G. O'Tuathail**. Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. Minneapolis, 1996; **idem**. Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Security. — «The Journal of Strategic Studies». 1999. Vol. 22. № 2—3; **G. O'Tuathail, S. Dalby**. Rethinking geopolitics. N. Y. et al., 1998; **G. O'Tuathail**. Geopolitical structures and cultures: towards conceptual clarity in the critical study of geopolitics. — «Geopolitics: Global problems and regional concerns». L. Tchamtouridze (Ed.). Winnipeg, 2004; «Geopolitics in a Changing World». N. Y., 2000; **idem**. Borderless worlds? Problematizing discourses of deterritorialization. — «Geopolitics». 2000. № 4; **S. Dalby**. Imperialism, domination, culture: The continued relevance of critical geopolitics. — «Geopolitics». 2008. 13(3); **J. Dittmer, K. Dodds**. Popular geopolitics past and future: Fandom, identities and audiences. — *Ibid.*; **K. J. Dodds**. Global geopolitics: A critical introduction. L., 2005 и др.

¹⁰ См. **G. Tuathail**. Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. P. 57.

нец под воздействием работ М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Деррида. Суть методологического переворота, произошедшего в рамках геополитического знания, — пространство перестало быть объективной данностью и стало восприниматься как социально-конструируемое. Если для классической геополитики пространство и территория играли каузальную роль — выступали в качестве одной из основных причин, если не детерминанты политических действий, то критическая постмодернистская тенденция исследовала то, как пространство можно инструментализировать, а также фокусировала внимание на способах его интерпретации и деконструкции. Политический дискурс — то есть язык, тексты, речи и их интерпретация — стал играть главенствующую роль.

Ревизионистская тенденция акцентировала внимание на способах актуализации и использования ландшафта и пространства для достижения политических целей. Познавательный интерес в результате оказался смещен в направлении исследования политического дискурса и коммуникации. Не просто объективно существующие естественные границы, горные цепи и русла рек, но то, что приписывает им соответствующий политический дискурс, задает стратегическое значение этих объектов и тем самым определяет их особую функцию и историческую и политическую значимость. Огромное количество естественных особенностей географической среды политически и коммуникативно активизируется лишь в особых обстоятельствах. Критическая геополитика не порывала окончательно с аргументами, согласно которым географическая (геополитическая) мотивация приводила в действие определенные политические процессы, но в ее рамках была предпринята попытка исследовать социально обусловленные границы функционирования классической гео-

политической аргументации, возможности ее воздействия на политические реалии. Новый подход концентрировался на том, чтобы вскрыть легитимирующую основу действий и событий мировой политики, установить их связь с определенными интересами¹¹.

В варианте критической геополитики геополитические построения из подобия философских пророчеств трансформировались в столь же субъективные интерпретации реальности и вероятностные оценки, как и предлагаемые всеми прочими социальными дисциплинами. Вместе с тем подобная трансформация позволяла приблизиться к пониманию того, как сложился нынешний, якобы естественный, политико-пространственный порядок вещей и как он воспроизводится или изменяется в определенных политических обстоятельствах и посредством конкретных коммуникативных и дискурсивных практик.

В рамках критической геополитики была предпринята попытка осмыслить социально обусловленный характер географических данностей, рамки их функционирования, возможности воздействия на политические реалии и зависимость суждений конкретных практикующих политиков (и геополитически мыслящих аналитиков) от существующего идейно-политического контекста. Приверженцы «критической геополитики», по их собственным утверждениям, раздвигают границы геополитического анализа, утверждая необходимость исследования не только действий государств на международной арене, но и лежащие в их основе культурно обусловленные мифологии (такие, как миф о возникновении той или иной нации и

¹¹ Наиболее ярко эта тенденция проявилась в рамках так называемой радикальной геополитики (см. **J. Mercille**. The radical geopolitics of US foreign policy: Geopolitical and geoeconomic logics of power. — «Political Geography». 2008. Vol. 27).

формировании контролируемого ею пространства). Критическая геополитика, таким образом, акцентировала внимание на «картах смыслов и значений не в меньшей степени, чем на картах государств»¹².

С точки зрения критической геополитики лишены смысла утверждения о наличии неких географически обусловленных «естественных границ». То, что для одних может выглядеть этой самой «естественной границей» (например, Рейн для нескольких поколений французских политиков и геополитиков), для других (для немцев, например) представляется вовсе не столь естественным, скорее даже наоборот. Целостность отдельных «геополитических регионов» также во многом обусловлена скорее их политической историей и реалиями, нежели географией.

С этой точки зрения пресловутое «геополитическое единство Кавказа» — не что иное, как производное от политической истории, то есть принадлежности входящих в него составных

частей к территории Российской империи/Советского Союза. До тех пор, пока Карс входил в состав Российской империи, он был частью Кавказа. Как только он из ее состава вышел, то снова вернулся в геополитическое пространство Восточной Анатолии. Иными словами, критическая геополитика переносила акцент с префикса «гео-» на политические составляющие геополитической картины мира.

С момента возникновения критической геополитики она не переставала подвергаться критике. И было за что. Прежде всего, на пути ревизи-

зии традиционных геополитических схем и методологических подходов очень скоро выявились серьезные проблемы и ограничения. «Повышение комплексности» исследований объективно имеет свои пределы. Любой исследователь оказывается перед выбором: либо резко упростить ситуацию и принимать в расчет только *некоторые* сопоставимые факторы и величины (прекрасно отдавая себе при этом отчет в редукции всей сложности реальных феноменов международных отношений и известной ограниченности «горизонта» видения проблем), либо наращивать комплексность в ущерб определенности дисциплинарных границ и убедительности, а то и просто обоснованности выводов¹³. В связи с этим погоня за комплексностью, постмодернист-

С точки зрения критической геополитики лишены смысла утверждения о наличии неких географически обусловленных «естественных границ».

ские обертоны в работах сторонников геополитического ревизионизма выглядели далеко неоднозначно. Избыточная комплексность оказалась способна размыть и без того недостаточно четко очерченные дисциплинарные рамки, не давая в конечном счете нового качества выводов. Ну а увлечение постмодернизмом и постструктурализмом с их перманентной деконструкцией, интерпретацией и реинтерпретацией символов, текстов, пространств лишало критическую геополитику способности к выработке адекватных практических рекомендаций.

¹² G. O'Tuathail, S. Dalby. Introduction: Rethinking geopolitics: Towards a critical geopolitics. — *Idem*. Rethinking geopolitics. P. 4.

¹³ См. «Политическая наука: Новые направления». М., 1999. С. 30—31.

Возвращение к истокам

Конец XX и начало XXI века стали для геополитики временем упущенных возможностей. Прежде всего — в связи с неспособностью спрогнозировать глубину трансформаций международной системы и масштаб геополитических изменений карты мира. В ситуации нарастающей динамики мировых процессов, роста рисков и неопределенности в глобальном масштабе, сжатия пространства и беспрецедентного ускорения времени предпринимались все новые попытки осмысления этих процессов и феноменов в рамках новых субдисциплин: за последние полтора-два десятилетия появились и успешно институционализировались новые тесно связанные друг с другом направления теоретизирования — «мироведение» (World Studies), «глобалистика» (Global Studies). Геополитика оставалась явно на периферии научных поисков. Более того, в рамках глобальной экономики, а затем и в рамках революции в военном деле активно проводился тезис о том, что в новых условиях информационно насыщенного мира имеет значение прежде всего обеспеченная информационными ресурсами скорость принятия решений. Главным в этих условиях выступают информация и время, а не пространство. По мнению многих военных, финансовых и политических аналитиков, география буквально исчезла¹⁴. Такая синхронность самых разных специалистов в утверждениях о «конце географии» привела к тому, что традиционные географические и геополитические факторы понемногу сдавали свои позиции и выпадали из поля зрения исследователей, концентрировавшихся на анализе проб-

лем глобализации, транснациональных процессов и структур. Однако целый ряд авторов последовательно проводили в своих работах тезис о том, что «география имеет значение» (geography matters). Эта когорта, связанная с неоконсервативными исследовательскими центрами и военными учебными заведениями, дала импульс к возрождению классической линии геополитики и составила базу для развития так называемых неоклассических интерпретаций геополитики.

В 1999 году профессор Военно-морского колледжа М. Оуэнс написал для «Naval War College Review» статью «В защиту классической геополитики», в которой в качестве основной задачи США после окончания «холодной войны» определил (совсем в духе Х. Макиндера) предотвращение образования континентального гегемона в Евразии¹⁵. Это утверждение послужило побудительным мотивом к возрождению на новой основе традиционной геополитики, подвигло целый ряд авторов к поискам релевантных концептуализаций происходящих в мире трансформаций в неоклассическом ключе. Неоклассическая школа исходит из того, что содержание и цели геополитики в современную эпоху претерпели существенные изменения по сравнению с рубежом XIX—XX веков, но само геополитическое знание не утратило своего значения. Ее представители утверждают, что понятийный аппарат геополитики позволяет анализировать и давать непротиворечивые и последовательные объяснения реалиям современной мировой политики, а также оценивать тенденции и перспективы ее эволюции.

Стремление к доминированию в системе международных отношений

¹⁴ См.: R. O'Brien. Global Financial Integration: The End of Geography. L., 1992; C. H. Gray. Postmodern war. The new politics of conflict. N. Y. et al., 1997; G. Stocker, C. Schopf. Infowar. N. Y., 1998.

¹⁵ M. T. Owens. In Defense of Classical Geopolitics. — «Naval War College Review». 1999. Autumn. Vol. 52. № 4 (www.nwc.navy.mil/press/review/1999/autumn/art3-a99.htm).

и к контролю пространства интерпретируется в качестве своего рода точки отсчета, перманентного импульса большой политики. В данной интерпретации, несмотря на происходящие глубокие изменения в мировой политике и мировой экономике, география, пространство, территориальные аспекты политического и военного планирования имеют значение. И будут играть еще большую роль в будущем, когда нехватка ресурсов и давление природной среды дестабилизируют целый ряд стран Азии¹⁶.

Наиболее заметной фигурой неоклассического возрождения и наиболее рецензируемым автором, работающим в сфере геополитики последних лет, стал ведущий исследователь консервативного Центра за новую американскую безопасность Р. Каплан. В наделавших много шума статьях и книге, посвященных геополитике XXI века¹⁷, он подчеркнул преимущество собственного творчества с геополитическим методом, использованным в свое время А. Мэхеном и Х. Макиндером, продемонстрировал понимание роли и значимости морских коммуникаций и свободы мореплавания (то есть свободы торговли) для процветания развитых стран Запада. Но при этом он сформулировал довольно неожиданный тезис, согласно которому новой конфликтной «геополитической осью» мира станет не старушка Атлантика, а далекий южный Индийский океан. Он становится средоточием проблем и противоречий современного мира. По его берегам или недалеко от побережья расположено наибольшее

количество нестабильных (Пакистан, Ирак, Мьянма, Сомали, Афганистан и др.) или проблемных (Иран) стран. Здесь вызревают конфликты будущего в рамках опоясывающей все побережье Южной и Юго-Восточной Азии и Восточной Африки исламской дуги. Здесь напрямую сталкиваются интересы (в борьбе за ресурсы и политическое влияние) между быстро растущими новыми региональными (с претензией на мировой статус) державами — Китаем и Индией. Другими словами, Индийский океан — это «не просто географическое понятие, а идея», которая соединяет в себе центральное положение ислама с глобальной энергетической политикой, подъем новых великих держав со становлением полицентричного мирового порядка¹⁸. Роль США в этом важнейшем районе должна состоять в обеспечении посредством множества гибких союзов свободы мореплавания и свободы рыночных сил, что само по себе будет способствовать решению по меньшей мере двух стратегических задач: стабилизации и контроля со стороны США за ситуацией на Большом Ближнем Востоке и мягкого ограничения китайской экспансии в регионе.

Угроза китайской экспансии вообще рассматривается Р. Капланом очень серьезно. Свою нагнетавшую статью «География китайской мощи» он начинает цитатой из Х. Макиндера о том, что Китай способен превратиться в «желтую опасность» для мировой свободы как раз по той причине, что в отличие от крупнейших континентальных держав прошлого (прежде всего России) соединяет с ресурсами громадного континента протяженную океанскую границу — козырь, которого была лишена Россия, отрезанная от морских торговых путей

¹⁶ См.: **G. Kearns**. *Geopolitics and Empire: The Legacy of Halford Makinder*. Oxford, 2009; **B. Bluet**. *Global Geostrategy: Makinder and the Defence of the West*. L., 2005 и др.

¹⁷ См.: **R. D. Kaplan**. *Revenge of Geography*. N. Y., 2012; **idem**. *Center Stage for the Twenty-first Century*. — «Foreign Affairs». 2009. March—April; **idem**. *Revenge of Geography*. — «Foreign Policy». 2009. May—June.

¹⁸ См. **R. D. Kaplan**. *Center Stage for the Twenty-first Century*. P. 17.

торосами и ледяными глыбами Северного Ледовитого океана¹⁹. Кроме того, Китай сочетает в себе элементы предельно модернизированной экономики западного образца с чертами унаследованной от Древнего Востока «гидравлической цивилизации» (термин историка К. Виттфогеля, используемый применительно к обществам, практикующим централизованный контроль над сложными ирригационными системами и как результат — обладающими жестко централизованными политическими системами). Рост его экономики способствует росту внешнеполитических амбиций. Каплан подчеркивает, что Пекин объективно должен выстраивать выгодные сетевые отношения с широким кругом стран, способных обеспечить быстро растущий Китай ресурсами. Зона китайского влияния, формирующаяся в Евразии и Африке, постоянно растет, причем не в том поверхностном, чисто количественном смысле, какой придавали этому понятию в XIX веке, а в более глубоком, отвечающем эпохе глобализации. Китай озабочен в первую очередь не формальным военно-политическим контролем над теми или иными территориями (хотя его военная мощь и экспедиционные возможности постепенно растут), но выстраиванием отношений асимметричной взаимозависимости, расширением сетей экономического взаимодействия и сотрудничества, в которых именно Пекин обеспечивает себе ведущую роль, а также развитием экономики и инфраструктуры; так шаг за шагом формируется образ самой успешной страны и естественного лидера «третьего мира», нарастающей к тому же еще и существенный потенциал мягкой силы.

Преследуя простую цель — надежно удовлетворить свои экономические

потребности, Китай сдвигает политическое равновесие в сторону Восточного полушария, и это не может не затрагивать самым серьезным образом интересы Соединенных Штатов. Благодаря растущей экономической мощи и демографическим параметрам, Поднебесная способна заполнить возможные области силового вакуума вблизи любого участка своих протяженных границ с помощью такого оружия, как демографическое и экономическое давление. Вместе с тем слабым местом Китая остается его позиция в Мировом океане. Рассматривая прилегающие моря сквозь призму мышления в терминах «игры с нулевой суммой», китайские адмиралы выступают наследниками агрессивной философии американского военно-морского стратега начала XX века А. Мэхена, который отстаивал концепцию «контроля над морями». Стремительная модернизация китайского ВМФ свидетельствует о серьезности китайских намерений. На Тихом океане реально формируется полицентричный порядок, в рамках которого собственные притязания на лидерство в различных сферах и разных регионах предъявляют не только КНР, но и Индия и Япония. В Азии продолжается гонка вооружений, и на нее надвигается кризис «жизненного пространства». Подводя итоги исследования, Р. Каплан заканчивает свои рассуждения многозначительной констатацией: в ближайшие годы сам факт укрепления экономической и военной мощи Китая усугубит напряженность в американо-китайских отношениях; Соединенные Штаты приложат все возможные усилия, чтобы помешать Китаю сделаться гегемоном большей части Восточного полушария. И далее: «...не исключено, что это станет самой потрясающей драмой нашей эпохи»²⁰.

¹⁹ См. R. D. Kaplan. The Geography of Chinese Power. — «Foreign Affairs». 2010. Vol. 89. № 3. P. 22.

²⁰ Ibid. P. 41.

В возникающих новых геополитических раскладах Каплан находит место и для России. Он утверждает, что географический фактор вполне способен стать причиной размолвки Китая и России, «поскольку нынешний их союз носит чисто тактический характер». И это может быть выгодно Соединенным Штатам. «В 1970-х годах администрация президента Никсона оказалась в выигрыше в результате столкновения между Пекином и Москвой и положила начало новым отношениям с Китаем. В будущем, когда последний станет по-настоящему великой державой, Соединенные Штаты, по-видимому, могли бы заключить стратегический союз с Россией, чтобы уравновесить влияние Срединного царства»²¹. Таким образом, как прилежный последователь адмирала А. Мэхена и сэра Х. Макиндера, Р. Каплан демонстрирует стремление обложить нового континентального претендента на лидерство (быстро растущий Китай) буквально со всех сторон. Задача — заставить Пекин переключить потоки ресурсов и львиную долю оборонных расходов с морских вооружений на модернизацию сухопутных сил для отражения угрозы с севера. И оставить океаны (а с ними и контроль над основными ресурсными и торговыми потоками) за Соединенными Штатами. Подчеркнем: умозаключения Р. Каплана заслуживают внимания уже потому, что он — не просто кабинетный ученый; на протяжении нескольких лет (2009—2011) этот аналитик занимал пост советника министра обороны Р. Гейтса, что наложило определенный отпечаток (порой смысловое тождество) на ряд доктринальных военно-политических документов.

Другим ярким представителем неоклассического подхода считается З. Бжезинский, имеющий целую ко-

гортю последователей. Работы 1990-х годов, написанные им в период униполярного триумфализма, в методологическом плане не представляли особого интереса. Автор просто предлагал закрепить победу США в «холодной войне» и решать все проблемы строительства «нового мирового порядка» самым банальным образом — за счет «проигравшей стороны», то есть интересов и даже территориальной целостности России²². Однако в более поздних книгах им был озвучен ряд положений об обеспечении американского глобального лидерства в условиях «конца суверенной безопасности» и «дилемм нового глобального беспорядка», сохраняющих свою значимость по сей день. Принципиальным моментом для обеспечения американского лидерства выступают, в интерпретации З. Бжезинского, эффективное управление союзами и обеспечение теснейшего взаимодействия со становящейся все более единой Европой. Именно союз США и ЕС образует «ядро системы глобальной стабильности»²³. Выступая заодно, Соединенные Штаты и объединенная Европа могли бы проецировать мощь и оказывать влияние на политическую повестку дня в любой точке мира, в то время как серьезное соперничество между ними оказалось бы пагубным для обеих сторон. Экспансия Запада на Восток, в том числе за счет механического приема все новых членов в ЕС и НАТО, видится З. Бжезинскому чуть ли не панацеей от вызовов безопасности XXI века. В частности, «по мере отступления Востока и наступления Запада, опасности, порождаемые наличием геополитически ничейной земли, просто отодвигаются в восточ-

²² См. **З. Бжезинский**. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998.

²³ **З. Бжезинский**. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004. С. 131.

²¹ *Ibid.* P. 29.

ном направлении»²⁴, а предлагаемая автором интернационализация сибирских месторождений природных ресурсов является, по его мнению, ключом к обеспечению динамичного развития западных стран.

Бжезинский серьезно относится к китайскому фактору в мировой политике. По его выражению, если в XX веке Европа поставила Соединенные Штаты перед проблемой войны и мира, и именно ее решение стало главной задачей американской внешнеполитической стратегии, то в XXI веке Азия ставит Вашингтон перед проблемой конкурентоспособности или упадка. Конечной целью должно стать конструктивное партнерство с Китаем на международной арене — но не любой ценой. И вот дальше место анализа занимает у Бжезинского избыточная императивность. Необходимо, пишет он, «стабильное геополитическое равновесие в Евразии, обеспечиваемое обновленной Америкой». Соединенные Штаты должны стать проводником и гарантом расширенного и укрепленного единства на Западе, а одновременно — миротворцем и посредником между крупнейшими державами Востока²⁵. Понятно, что З. Бжезинскому все это представляется крайне желательным. Но не совсем ясно, однако, как это согласуется с его же геополитическими выкладками.

Пример того, до какого методологического схематизма доходят порой приверженцы неоклассических геополитических подходов, показывает статья американской исследовательницы К. Антрим о новых климатических, а вместе с ними и геополитических реалиях XXI века. Нервная реакция стран Запада на установку в 2007 году российской экспедицией государс-

твенного флага на северном полюсе связывалась с тем, что претензии России на арктическое дно и контроль над новыми морскими путями интерпретировались в устаревших геополитических терминах XX века. «Все это время западная геополитическая мысль была одержима идеей естественного конфликта между центральной частью Евразии и западными морскими державами. Арктика играла в этой парадигме существенную, хотя и не признаваемую роль “северной стены” в стратегии взятия в кольцо и сдерживания крупнейшей материковой державы мира — России. Однако в конце XX века от внимания Запада ускользнули изменения в мировых технологиях, экономике, климате и праве, подорвавшие арктические теории геостратегов прошлого»²⁶. С точки зрения К. Антрим, геополитика XXI века будет отличаться от воззрений эры империй и периода конфликтов последних двух столетий. Возрастающая доступность Арктики с ее энергетическими и природными ресурсами, новыми зонами рыбного промысла, более короткими морскими путями и возможностью судоходства по рекам между Арктикой и центральной частью Евразии будут способствовать превращению России в крупную морскую державу. Эти изменения с неизбежностью приведут к более тесной интеграции России в глобальную торговую и финансовую сеть, к появлению у нее возможности привлекать иностранных партнеров, а также участвовать в международных соглашениях и организациях, которые гармонизируют международное судоходство, безопасность и защиту окружающей среды. Иными словами, открытие в результате глобального потепления в XXI веке до-

²⁴ Там же. С. 133.

²⁵ См. **З. Бжезинский**. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. М., 2012. С. 274, 277.

²⁶ См. **К. Антрим**. Крайний Север и геополитика в XXI веке. — «Россия в глобальной политике». 2010. № 5.

ступа РФ к свободным ото льдов арктическим морям превратит Россию, грозную сухопутную державу времен А. Мэхена, Х. Маккиндера и Н. Спайкмена, в одну из морских держав. Тем самым произойдет встраивание новой, «морской» России в систему сотрудничества и партнерства с другими океаническими державами. Из подобной, довольно схематичной теоретической конструкции следует далеко идущий вывод о том, что «старая геостратегия взятия в кольцо и сдерживания России» становится достоянием прошлого. В XXI веке новое геополитическое прочтение места и роли России в мировой геополитике позволит ей занять достойное место среди ведущих стран мира не в качестве «изолированного материкового государства», но «в ряду других морских держав», которые совместно будут черпать ресурсы на побережье Северного Ледовитого океана и в огромном арктическом бассейне.

Методологическая незамысловатость неоклассических подходов очевидна. И она еще более оттеняет проблемы геополитики как научной дисциплины. Геополитика как отрасль знания, достигшая высокой степени институционализации и признания (наличие огромного количества учебников, учебных программ, существование исследовательских центров и т. д.), активно «исповедующая» и транслирующая в ряды неофитов (и вообще в массы населения) собственные представления и выводы, сформировавшая профессиональное сообщество (пусть и специфическое в некоторых отношениях), до сих пор не артикулировала совокупности дисциплинарных норм и ограничений, которые собственно и превращают ту или иную отрасль знания из подобия «искусства» и «ремесла» в *научную дисциплину*. Возможно, в этом и нет особой необходимости. Если мы бу-

дем подходить к геополитике не как к научной дисциплине, а как к разновидности политической философии или даже политического дискурса о месте и роли той или иной страны в мировой политике, не позволит ли это избежать недоуменных вопросов о несовершенстве методологии, неоднозначности выводов и слабом прогностическом потенциале?

Любопытно также, почему геополитика оказалась более популярна в американском политическом и интеллектуальном бомонде в период президентства интеллектуала Б. Обамы. Как и прежде, современная американская большая внешнеполитическая стратегия нацелена на максимизацию влияния США в системе международных отношений и закрепление за Вашингтоном преобладания в мировой политике. При этом очевидно, что в США наступила пора обновления общенационального внешнеполитического консенсуса. В 1990-е годы его основу составлял либеральный интервенционизм, выдвинувший идеи продвижения демократии и рыночных отношений в глобальном масштабе, что неизбежно сделало бы окружающий мир более гомогенным в политическом отношении и в целом более управляемым со стороны Соединенных Штатов. В начале XXI века, в период первого президентства Дж. Буша-мл., ему на смену пришел причудливый сплав «вооруженного идеализма» (в том числе и либерально-интервенционистского толка) и жестких силовых подходов, порождением которого стала достаточно эклектичная «доктрина Буша» и эпоха доминирования «неоконов» в американской внешнеполитической мысли. От интервенционизма оказались позаимствованы представления об особой миссии Соединенных Штатов в мире и стремление к демократической гомогенизации мирового политического пространства.

У империалистического унитаризма были взяты чрезмерный упор на военную мощь (в том числе за счет иных параметров мощи — экономической, идеологической, культурной) и очевидная склонность к односторонним действиям.

Что касается Б. Обамы, то в период его первого президентства много внимания уделялось так называемой «умной силе» (smart power), то есть сочетанию элементов «мягкой» и «жесткой» силы при достижении Соединенными Штатами своих внешнеполитических целей. Однако «умная сила» — это инструмент, а не стратегия. В плане стратегии Обама все еще не сделал решительного выбора в пользу возврата к либеральному интервенционизму или опоре на политический реализм (подкрепляемый геополитическими интерпретациями мировой политики). Это заметно и по его кадровой политике (реалист Ч. Хейгел, умеренный либерал Дж. Керри в качестве министров обороны и иностранных дел, но при этом либеральная интервенционистка Х. Клинтон — госсекретарь первого срока президентства, а еще более решительные интервенционистки С. Райс и С. Пауэр соответственно советник по национальной безопасности и полномочный представитель США в Совете Безопасности ООН). О том же говорят и результаты его первого президентства, в активе которого не только вполне сбалансированные переговоры с Россией о сокращении стратегических ядерных вооружений и попытки осторожного сдерживания Китая, но и ведущая роль в ходе международной интервенции в Ливии, а также поддержка сирийской оппозиции. Можно сказать, что при

формировании современной американской большой внешнеполитической стратегии склонность лично Обамы к либеральному интервенционизму компенсируется необходимостью в условиях выхода из кризиса опираться на инструментарий реалистской школы мысли и на рецепты классической геополитики.

Очевидно, что потребность в геополитике возрастает в периоды кризисов, сложных поисков странами своего места в мире. Характерно, что, когда США, уверенные в своей державной мощи и экономическом потенциале, просто перестраивали мир в соответствии с собственными представлениями о необходимости «нового мирового порядка» и принимали воистину решения глобального геополитического масштаба (в частности, о расширении НАТО на восток), геополитическая аргументация была не слишком востребована. Но как только на горизонте возникли проблемы выбора стратегии, поиска своего места, нового глобального позиционирования в меняющемся и все более полицентричном мире, как только возникли сомнения в незыблемости американского экономического господства и технологического превосходства, геополитическая интерпретация современных реалий, при всей своей архаичности, оказалась неожиданно востребованной. Тяга к простым и понятным решениям — вот в чем сущность той подъемной силы, выносящей в турбулентные времена на вершины интеллектуального и политического Олимпа фигуры, подобные неоконсервативным идеологам типа Р. Кейгана или геополитикам вроде Р. Каплана. Впрочем это — уже тема другой статьи. ♦